

Н.Ю. СТАРОДУБЦЕВА
(Волгоград)

**ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ
ВНУТРЕННЕЙ ПОЛИТИКИ
ТУЛУЗСКИХ ГРАФОВ В КОНЦЕ
XII – НАЧАЛЕ XIII ВЕКА**

Рубеж XII–XIII вв. – период интенсивных изменений в Лангедоке (в основном по инициативе и под контролем тулузских графов), определивших специфику общественно-политических структур региона. Именно тогда оформились фундаментальные различия между Севером и Югом, что прямым образом повлияло на процесс создания единого централизованного государства во Франции.

Ключевые слова: Лангедок, Окситания, Тулузское графство, средние века, феодализм.

Регион, обозначаемый нынче как Южная Франция, являл собой в XII в. живое напоминание об условности привычных и, казалось бы, хорошо нам знакомых понятий «феодализм», «сословная иерархия», «религиозное мировоззрение», неизбежно используемых при характеристике обществ эпохи высокого средневековья. Ф. Бродель, говоря о землях, расположенных южнее Луары, отмечал, что там существовала «вечно другая Франция» [1, с. 65]. Эта инаковость до сих пор осознается жителями региона, а обстоятельства XIII в. с конца 1950-х гг. все более активно вводятся в политическое поле автономистскими, регионалистскими или даже сепаратистскими партиями и движениями (Partit Occitan, Paratge, Iniciativa per Occitania, Parti de la Nation Occitane, Unitat d’Oc, Libertat!). Поэтому дополнительного осмысления требует вопрос о том, почему именно этот период в истории Лангедока по-прежнему оказывает влияние на сферу идей и каковы специфические особенности региона, определившие его судьбу в исторической перспективе.

Окситания XII в., в противоположность капетингскому государству, представляла собой разрозненные владения, среди которых выделялись четыре довольно крупных поли-

тических объединения: Лангедок, Аквитания, Прованс и Каталония (следует оговорить, что использование топонимов «Южная Франция» / «Юг Франции», «Окситания» и «Лангедок» применительно к рассматриваемому периоду не совсем корректно: эти земли еще не были интегрированы в состав французского королевства, т. е. не являлись Францией, а обозначения «Окситания» и «Лангедок» – это изобретения королевской канцелярии конца XIII–XIV в.). Среди них особое место занимал Лангедок, под которым понимаются владения династии тулузских графов Раймондинов. В XII в. их домен, помимо Тулузы и ее окрестностей, включал в себя Бокер, Аржанс и Сен-Жиль. На рубеже XII–XIII вв. тулузские графы одновременно выступали в качестве герцогов Нарбоннских, маркизов Прованских, графов Мельгёя, Аженэ и Керси. Под их сюзеренитетом находились очень крупные и влиятельные вассалы – графы Арманьяк, Комменж и Фуа, виконты Безье, Монпелье, Нима, Грёза, Родеза и др., что также придавало им особый политический вес.

В теории за свои земли сами графы Тулузы были вассалами французского и английского королей, а также германского императора. Однако географическая удаленность графских земель, постоянные противоречия между сюзеренами и ограниченность их властных ресурсов позволяли Раймондинам, как, впрочем, и другим крупным сеньорам, сохранять на практике независимое положение. М. Рокебер остроумно назвал тулузского графа «королем без короны» [12, р. 100], что имеет двойной смысл: с одной стороны, граф Тулузы фактически был независимым правителем своих доменов, с другой стороны, он, как и король французский столетием раньше, практически не мог оказывать влияние на своих крупных вассалов. Последние же позволяли себе не просто проявлять непослушание в отношении своего сюзерена, а даже могли вступать с ним в вооруженное противостояние или поддерживать его противников во время войны. Установление более прочной власти над феодалами станет целью для властителей Тулузы в изучаемый период.

Эта тенденция была заложена еще графом Альфонсом Журденом (1103–1148 гг., граф с 1112 г.), и наибольших успехов в ее реализации достиг его внук – Раймонд VI (1156–1222 гг., граф Тулузы с 1194 г.). Деятельность последнего во многом определялась необходимостью преодоления ряда факторов, препятствовавших объединительным и централизаторским устремлениям тулузского графа:

1. *Специфический южный феодализм, характеризующийся относительно слабым развитием феодальных связей.* В отличие от земель Северной Франции, на юге вплоть до начала XIII в. практика оммажа не получила широкого распространения. Судя по документам второй половины XII в., *convenientiae* («соглашения»), в которых фиксировались взаимные обязательства вассала и сеньора, сопровождались лишь принесением клятвы верности: таково «соглашение» 1179 г. о передаче земель в виконтстве Ним, заключенное с Р. д'Юзе, П. Г. де Люнель и П. де Берни [18, р. 335–337]; аналогичным образом осуществляется передача фьефов в 1184 г. братьям Р. Гильему и А. Раймонду из Фонтан [5, р. 173–174], а в 1185/1186 г. – братьям Б. и П. Фолакье [Там же, р. 183]. По утверждению профессора Линды Патерсон, оммаж расценивался окситанской знатью как попадание в сервилное состояние [9, р. 20], в то время как «соглашения» изначально фиксировали фактически партнерские отношения сторон, что обусловило независимое положение феодальной аристократии.

Установлению прочной созависимости сюзерена и вассала препятствовала и наследственная практика, сложившаяся в регионе. В отличие от северофранцузских земель здесь вместо системы патриархального линияжа, базировавшегося на принципе майората, сформировались разветвленные типы линияжа, допускавшие к владению землями женщин и основанные на практике ко-сеньорства: в большинство «соглашений» входило несколько субъектов без учета старшинства. Вследствие этого реализация власти осуществлялась совместно, а доходы с земли распределялись между ко-сеньорами (*co-seigneur*). В политическом смысле это препятствовало установлению жесткого контроля со стороны сюзерена, гарантируя таким образом относительную автономию вассалов. Однако в социально-экономическом плане это имело негативные последствия, т. к. дробление земель приводило к обнищанию владельцев поместий.

Кроме того, весьма распространенным явлением были так называемые «внесеньориаль-

ные владения» (*franc-alieu*), даже в центральной части тулузского графства (регион Тулузэн) [2, р. 109–116], что свидетельствует об отсутствии здесь феодальной зависимости.

2. *Существование консульских республик, обладавших большим объемом городских свобод.* Коммунальная борьба, развернувшаяся в Лангедоке с конца 30-х гг. XII в., увенчалась большими успехами: к 1220 г. на территории Тулузского графства было признано более двух десятков коммун, располагавших широкими правами самоуправления. Вмешательство сеньоров в их жизнь было минимальным и носило формальный характер. Муниципальные свободы реализовывались через городской капитул, формировавшийся из числа выборных консулов. Капитул обладал обширным функционалом: административные полномочия, судебные функции, охрана общественного порядка, контроль за ремеслом и торговлей, решение финансовых вопросов, а также военная функция, проистекающая из права иметь собственное войско. Только в течение 1202–1204 гг. произошло около двадцати вооруженных конфликтов Тулузы с сеньорами и коммунарами. Победы Тулузы в этих столкновениях обеспечивали ее экономическое доминирование за счет получения разнообразных льгот, зафиксированных в мирных договорах (например, договоры с виконтом де Ломань [16, fol. 66 v° – 68 r°], с ко-сеньорами Савердэна [14, fol. r^o – 80 r°], Верфёя [15, fol. 81 r° – 82 r°] и др.).

3. *Отсутствие разветвленной системы представительства графской власти на местах.* Незрелость управленческого аппарата (как и ограниченность в финансах) вынуждала Раймондинов до конца 80-х гг. XII в. постоянно перемещаться по своим владениям, чтобы не упускать из виду своих вассалов, склонных к мятежам, и оперативно реагировать на ситуацию. Графская администрация сводилась к Совету, помогавшему графу в решении важнейших вопросов, и посланникам, командированным на места с конкретными поручениями.

4. *Отсутствие особой идеологии,* способной обосновать необходимость изменения текущей социально-политической ситуации, и института, который смог бы транслировать эту идеологию. На землях Северной Франции эту функцию выполняла католическая церковь, умело оперирующая христианским учением для обоснования возрастающей роли монарха. Однако даже Раймонд IV (около 1042–1105 гг., граф с 1088 г.), возглавивший Первый крестовый поход и получивший прозвище «друга Церкви», не использовал в пол-

ной мере этот символический ресурс, оставляя своим подданным право (пусть и ограниченное) на выбор мировоззренческих установок. Попустительство последующих графов позволило распространиться разнообразным гетеродоксическим учениям (катаризм, вальденство и др.), а также сформироваться секулярной идеологии, пропагандируемой трубадурами.

Лангедок середины XII – начала XIII в. в силу отсутствия тесной связи между светскими и религиозными властями представлялся остальной Европе рассадником ересей и вольнодумства. Хроники живописуют страшные картины: «В Нарбоннской провинции, где некогда процветала религия, враг веры стал сеять плевела. Народ ввергся в безумие, оскверняя таинства Христовы... отклоняясь от истинной мудрости божией, ошибаясь и блуждая от ошибки к ошибке вплоть до самой бездны» [10, р. 3–4]. Речь идет, прежде всего, о катаризме, вызывавшем серьезные опасения со стороны официальной церкви, что стало поводом для развязывания Альбигойских войн (1209–1229 гг.), положивших конец независимости Лангедока.

Само по себе широкое распространение на землях Лангедока идей, предлагавших альтернативные способы социального взаимодействия (эгалитарная социально-политическая модель катаризма и элитарная модель куртуазии) и другие формы политического устройства (анархизм катаров и крайние формы феодальной вольницы, воспеваемые трубадурами), создавало дополнительные осложнения при внедрении графских преобразований.

В целом направления политики Раймонда V и Раймонда VI определялись стремлением к упрочению и расширению собственной власти за счет минимизации воздействия этих факторов. В своих целевых установках они являлись продолжателями политики, заложенной Альфонсом Журденом, однако серьезным образом скорректировали методы ее реализации.

Деятельность последних тулузских графов привела к *трансформации феодальных отношений*, что способствовало их упрочению и установлению более крепкой зависимости вассалов от сюзерена. Это отразилось на процедуре оформления сеньориально-вассальных связей. Прежде «соглашения» оговаривали основные условия этого социального контракта, где главными были «молчание и невмешательство», т. е. вассал не мог помогать противникам своего сюзерена. Следовательно, позиция вассала была пассивной. Теперь же она должна была стать активной – вассал был обя-

зан предоставлять сюзерену помощь и давать ему «советы». Начиная с XIII в., в документах все чаще встречается указание, что граф Тулузы может требовать помощь в любой момент, а вассал обязуется выражать абсолютную верность, главным образом, через военную службу. Гарантией исполнения обязательств выступал фьеф. Клятва верности Б. де Дюрфора от 26.08.1213 г. [5, р. 366–367] за замок Бокер в Каорском диоцезе – первый из известных на данный момент лангедокских образцов клятвы верности (*forma fidelitatis*), содержащих перечень главных обязательств вассала перед сюзереном:

- участвовать в войне по требованию графа или его посланника;
- вершить суд;
- заботиться о чести и верности;
- сражаться с врагами графа.

В этом же документе впервые встречается термин “*vassalus*”. Акты более позднего времени содержали аналогичные формулировки. В этот же период наблюдается тенденция перехода внесеньориальных владений под сюзеренитет тулузского графа, что демонстрирует стремление центральной власти вовлечь аллоды (подразумеваются аллоды в широком смысле, т. е. внесеньориальные владения, на которые не возлагались ленные обязательства) в систему феодальных отношений в ущерб независимым собственникам. Примером этому служат замок и деревня Пенн-д’Альбижуа. Примечательно, что уступающие свой домен принесли графу «клятву верности и совершили сугубый оммаж (*hommage lige*)» [Там же, р. 378–379]. Практика совершения сугубого оммажа также возникла лишь в начале XIII в. и очень быстро стала регулярной.

Все эти изменения были направлены на формирование крепких личных связей между сюзереном и вассалом для того, чтобы обеспечить верность последних. Расчет оказался верным: даже лишение графа Тулузы прав на его домен во время Альбигойских войн не привело к разрушению этих связей с большинством его подданных.

Тем не менее установление личных связей – недостаточное условие для укрепления положения тулузских графов. На это же

* Сугубый (тесный) оммаж – частная форма оммажа, предполагающая взаимные обязательства вассала и сюзерена по предоставлению «помощи» и «советов», а также, в отличие от простого оммажа, обязывающая вассала участвовать в войске за свой счет. В случае конфликтной ситуации между несколькими сюзеренами вассал был обязан поддержать того, которому принес сугубый оммаж.

было нацелено развитие *административного аппарата*. Вследствие расширения графского домена на первый план выдвинулся вопрос об организации местного управления. В 1210 г. впервые упоминается должность сенешаля [17, р. 348], выполнявшего военные и хозяйственные функции. Сначала должность утверждается в Тулузэне и Аженэ, но в течение следующих десятилетий распространяется на весь Лангедок. Важная роль сенешалей определила то, что возлагалась она на самых преданных людей, и есть основания полагать, что она могла передаваться по наследству. Помимо прочего, сенешали стояли во главе административного аппарата и под их началом находились вигье и бальи.

Вигье действовали «от имени сеньора графа», «по поручению сеньора графа» и, по сути, являлись его заместителями и представителями, что повлияло на некоторую размытость их функционального назначения. В большинстве случаев их прерогативы были связаны с военной, административной и юридической сферами, хотя повседневная их деятельность носила рутинный характер и предполагала скрепление печатью актов, исходящих от графа.

Бальи представляли собой управляющих домениальными владениями, выполнявших следующие функции: управление имуществом графа, реализация его поземельных прав и прав в отношении общины, контроль за порядком на господских землях, осуществление правосудия, обеспечение соблюдения иммунитета и других пожалований церкви.

Во второй половине XII – начале XIII в. число графских вигье и бальи увеличивается в несколько раз: представители Раймонда VI появляются на подконтрольных землях Вэзона, в долине Роны, в графствах Мельгёй, Руэрге, Ажан, Марманд и т. д.; Раймонд VII стремится увеличить графское представительство и в собственном домене – в Гайяке, Базьеже и Кастельнодарри [7, р. 52–53]. Выбор локализации графского представительства отличается определенной логикой – вигье должны были присутствовать в региональных центрах (Тулуза, Авиньон, Ним, Бокер); на приграничных территориях, которые имели стратегическую важность (Фуркес, Монкюк, Лямот); в местах остановок на реках Рона и Гаронна, где взимался пеаж (транзитная пошлина, взимаемая в пользу сеньора с людей, перемещающихся через определенные места – перекрестки дорог, мосты, реки, ущелья, перевалы) (Муассак, Ажан, Кастельсаррасен).

Центральная власть также переживает перемены. Именно в рассматриваемый период состоялось *закрепление резиденций* тулузского графа и одновременно с этим произошло *перемещение политического центра* из Сен-Жиля в Тулузу. До конца XII в. Раймондины «гостили» у своих вассалов, хотя понимание политического центра, т. е. особого места, где собирался графский двор и заседал Совет, уже существовало. В этом качестве выступал Сен-Жиль, получивший особый статус еще во времена знаменитого графа-крестоносца Раймонда IV, из-за чего саму династию порой именовали «домом Сен-Жиль» [19, р. 215]. К 1209 г. конкурировали уже два главных политических центра – Сен-Жиль и Тулуза, ставшая вскоре полноценной столицей. Это было адекватным ответом на изменившиеся условия: Тулуза к этому времени стала реальным экономическим центром Лангедока, а завершение «великой южной войны» сделало неактуальным пребывание графа поблизости от границ с Провансом.

Закономерным следствием этих изменений стали *перемены в составе политической элиты* по двум параметрам:

- На смену ронской знати, ранее преобладавшей в ближнем кругу Раймондинов [6], приходят выходцы из Тулузэна (У. де Ланта, А. де Виллемюр), Альбигуа (Доа Аламан, А. де Монтэгю), Аженэ (Гийом Арно де Тонтулон), Керси (А. Кальвера, Ж. де Сапиак) [7, р. 108–109]. Это окружение выстраивалось на базе личной преданности сюзерену, что подтвердилось активной поддержкой графа с их стороны в период Альбигойских войн.

- В течение почти всего XII в. окружение тулузских графов было относительно однородным в социальном плане и формировалось преимущественно из числа аристократов и клириков. К концу столетия из ближнего круга практически исчезают духовные лица, зато значительно увеличивается число представителей воинского сословия невысокого ранга, дополненное городским нобилитетом (крупные торговцы, врачи и юристы, становившиеся консулами). Анонимный автор второй части «Песни о Крестовом походе против альбигойцев» устами мэтра Бернара объясняет это так: «...члены Капитула – люди чести и хорошие управляющие, я, как один из них, заявляю, от моего и от их имени, и от имени всего остального населения, от великих до малых, что все мы будем рисковать телом и кровью, силой и бодростью, деньгами и ссудой, умом и храбростью, ради моего господина графа, что-

бы он сохранил Тулузу и остальной домен» [3, р. 99]. Поддержка горожан, вовлекаемых последними Раймондинами в процесс управления Лангедоком, впоследствии стала принципиально важным фактором столь длительного противостояния французской экспансии.

Для подтверждения своего *особого статуса* в регионе Раймонд VI и Раймонд VII начали активно использовать символический ресурс в виде дворцов, замков и крепостей. По словам А. Рену, это было «одно из средств, применяемых князьями для утверждения своей власти, ее реализации и увековечения» [11, р. 173]. Помимо выполнения оборонительной функции, крепости становились местом сбора графского двора. Документы первого десятилетия XIII в. сообщают о возведении подобных сооружений в Ниме, Вэзоне, Могио, Карпантресе [7, р. 49]. Альтернативой сооружению новых укреплений такого рода служила передача подобных построек доверенным лицам «за многочисленные службы» (например, Г. Кап-де-Форку [13, р. 77–78] или Э. де Кастельно [5, р. 312–313] и мн. др.). Единственным условием передачи было своевременное предоставление военной помощи. Шателены стали важной группой графских соратников, давших ему возможность укрепить свою власть при помощи усиливающегося контроля над сетью замков.

Сюда же можно отнести и изменения в титулатуре Раймонда VI, которая теперь звучала особенно внушительно: «Милостию Божией герцог Нарбонны, граф Тулузы, Сен-Жиля, маркиз Готии и Прованса». Иногда для пушей важности добавлялась формулировка «сын королевы Констанции».

Все вышеозначенные направления политики графов Тулузы принесли им хорошие плоды. И лишь одна сторона их деятельности обернулась страшной трагедией. Если Раймонд IV и Альфонс Журден расценивались как защитники церкви, то Раймонд V уже получал упреки в равнодушии к религиозным вопросам, а Раймонд VI и Раймонд VII вообще навлекли, пусть и ненамеренно, на свою страну беду Альбигойских войн. Как раз при последних Раймондинах происходит заметное *охлаждение отношений с католической церковью*. Они не просто исключили из своего окружения духовных лиц, но и в целом пренебрегали необходимостью сохранения теплых отношений с представителями церковной организации. Два последних Раймондина если и не поддерживали еретиков, то не усердствовали в искоренении гетеродоксии. Следствием

этого стала сомнительная репутация Раймонда VI, прекрасным образцом которой является его характеристика из «Истории альбигойской войны»: «...он всегда вел себя как отпрыск дьявола, сын погибели, первенец Сатаны, враг креста и гонитель Церкви, поборник еретиков, угнетатель католиков, посланник проклятия, отступник веры, преисполненный преступлений и настоящий склад всех видов грехов» [10, р. 23]. Конечно же, это описание было элементом католической пропаганды, направленной на обоснование репрессий против Лангедока.

В действительности имеющиеся в нашем распоряжении данные не дают оснований упрекать Раймонда VI в ущемлении официальной церкви. Более того, духовные лица чаще всего фигурируют в тех документах графской канцелярии, которые касались подтверждения их привилегий, защиты имущества и гарантии безопасности: предоставление госпитальерам Монпелье в 1191 г. прав на землю в Могио [5, р. 216–217]; отмена в 1194 г. транзитных и торговых пошлин для цистерцианцев Вальмана [Там же, р. 218]; подтверждение привилегий и пожалований цистерцианцам Франкво в 1197 г. [Там же, р. 227–228] и множество других. Отсюда проистекают два вывода. С одной стороны, необходимость постоянной поддержки графа свидетельствует о шатком положении клириков в лангедокском обществе. С другой стороны, человека, неотступно подтверждающего права и привилегии церкви, вряд ли можно назвать ее гонителем.

Сам Раймонд VI остался в народной памяти как «благочестивый» и «набожный». Вина за беды, постигшие эти земли, возлагалась на «невежество и распутство клириков», что и повлекло распространение еретических учений, еретиков же именовали «несчастливыми жертвами суеверий» [8, р. 32]. К тому же церковь так и не обвинила графа в ереси. Поводом для его многочисленных отлучений было бездействие в отношении еретиков и рутьеров, озвученное в послании папы Иннокентия III еще в 1207 г.: «Какая гордыня овладела вашим сердцем, и сколь велико ваше безумие, вредный человек, коли не желаете вы сохранить мир с соседями и отвергаете божественные законы, чтобы присоединиться к врагам веры?» [4, р. 581].

Пренебрежение мнением церкви и попытка освободиться от ее влияния путем отстранения духовенства от управления регионом стали достаточным основанием для репрессий, начатых с выдвижения обвинений в адрес Раймонда VI в многочисленных преступлениях против церкви. И даже его публичное пока-

яние в Сен-Жиле не остановило начало Крестового похода против альбигойцев.

В целом внутренняя политика правителей Тулузы в конце XII – начале XIII в. представляется нам достаточно эффективной. Были компенсированы или смягчены дезинтегрирующие факторы за счет трансформации сеньориально-вассальных отношений, формирования особого управленческого аппарата из числа преданных людей и укрепления личного авторитета графов Тулузы. Однако отсутствие четких представлений о возможностях дальнейшей трансформации общественно-политических структур, а также о потенциале идеологии, которая смогла бы обосновать правомочность преобразовательной деятельности и необходимость объединения под знаменами графа, сделало их уязвимыми. Лояльность тулузских графов по отношению к разнообразным идеям и их носителям порождала серьезный идейный разнобой, что отнюдь не облегчало процесс объединения земель. Процесс централизации власти в руках Раймондинов находился еще на начальной стадии, когда ему был нанесен мощнейший удар со стороны церкви, действовавшей совместно со светскими сеньорами в ходе Альбигойских войн.

Список литературы

1. Бродель Ф. Что такое Франция? М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1994. Кн. 1. Пространство и история.
2. Higounet C. Structures sociales, “castra” et castelnaux dans le sud-ouest Aquitaine (Xe – XIIe siècle) // Structures féodales et féodalisme dans l’occident méditerranéen (Xe – XIIIe siècle). Rome, 1980. P. 109–116.
3. La chanson de la croisade albigeoise / ed. et trad. du provençale par Eugene Martin-Chabot. Paris: Societe d’édition “Les belles lettres”, 1960. Vol. 3.
4. Lettre du pape Innocent III au comte de Toulouse // Guibal G. Le poeme de la croisade contre les albigeois ou l’épopée nationale de la France du Sud au XIIIe siècle. Toulouse, 1863. P. 581.
5. Macé L. Catalogues raimondins (1112–1229). Actes des comtes de Toulouse, ducs de Narbonne et marquis de Provence. Toulouse: Archives municipales de Toulouse, 2008.
6. Macé L. L’entourage aristocratique de Raimond V, comte de Toulouse (1148–1194) // Les voies de l’hérésie. Le groupe aristocratique en Languedoc. XI–XIII siècles. Millau: l’Imprimerie MAURY SA, 2001. Vol. 1. P. 97–120.
7. Macé L. Les comtes de Toulouse et leur entourage. XIIe – XIIIe siècles. Rivalités, alliances et jeux de pouvoir. Toulouse: Privat, 2003.
8. Orloff. Voyage dans une partie de la France. Paris: Bossange, 1824.
9. Paterson L. M. Le monde des troubadours. La société médiévale occitane de 1100 à 1300. Montpellier: Les presses du Languedoc, 1999.
10. Pierre de Vaulx-Cernay. Histoire de la guerre des albigeois // Collection des mémoires relatifs à l’histoire de France. Paris: J.-L.-J. Briere, libraire, 1824.
11. Renoux A. Les fondements architecturaux du pouvoir princier en France (fin IXe – début XIIIe siècle) // Les princes et le pouvoir au Moyen Age. XXIIIe Congrès de la SHMESP (Brest, 1992). Paris, 1993. P. P. 167–194.
12. Roquebert M. Histoire des cathares. Paris: Perrin, 2002.
13. Roquette J.-B., Villemagne A. Cartulaire de Maguellone. Montpellier, 1912. T. 2. № CCCVIII.
14. Traité de paix entre la Commune de Toulouse et les seigneurs, chevaliers et prud’hommes de Saverdun // Archives municipales de Toulouse. Cartulaire du Bourg. Ms. AA1. Acte no62. Fol. 78 ro – 80 ro.
15. Traité de paix entre la Commune de Toulouse et les seigneurs, chevaliers et prud’hommes de Verfeil // Archives municipales de Toulouse. Cartulaire du Bourg. Ms. AA1. Acte no64. Fol. 81 ro – 82 ro.
16. Traité de paix entre la Commune de Toulouse et Vézian, vicomte de Lomagne, seigneur d’Auvillars // Archives municipales de Toulouse. Cartulaire du Bourg. Ms. AA1. Acte no53. Fol. 66 vo – 68 ro.
17. Vic C. de, J. Vaissette. Histoire générale de Languedoc. Toulouse: J.-B. Paya, propriétaire-éditeur, 1844. T. VI.
18. Vic C. de, J. Vaissette. Histoire générale de Languedoc. Toulouse: J.-B. Paya, propriétaire-éditeur, 1844. T. VIII.
19. Wolff Ph. Regards sur le Midi médiéval / Ph. Wolff. Toulouse: Privat, 1978.

* * *

1. Brodel' F. Chto takoe Francija? M.: Izd-vo im. Sabashnikovyh, 1994. Kn. 1. Prostranstvo i istorija.

Basic courses of internal policy of Toulouse earls at the end of the XII – beginning of the XIII centuries

The turn of the XII – XIII centuries is the period of intensive changes in Languedoc basically made by the initiative and under the control of the Toulouse earls and determining the features of social and political structures of the region. The fundamental differences between the North and the South were formed at that period, which influenced the process of creating a united centralized state in France.

Key words: *Languedoc, Occitania, the Toulouse Shire, the medieval period, Feudalism.*

(Статья поступила в редакцию 20.05.2016)